

— В особняке, с отцом, — честно ответил Му Цинли.

— Ничего страшного, не хочешь — не ешь, я просто хотел, чтобы ты побыл со мной, — мягко произнес Е Фанчэн.

Раз уж разговор зашел так далеко, отказ Му Цинли выглядел бы слишком холодным и натянутым. Как и Е Фанчэн, он понимал, что сейчас не время раскрывать карты, поэтому согласился:

— Конечно, можно.

Неловкость возникла из-за того, что Е Фанчэн, решив устроить сюрприз, организовал ужин в павильоне у пруда. Стоило взглянуть вдаль, как открывался вид на мерцающие, словно звезды, огни.

— Это... — Е Фанчэн выглядел непривычно смущенным.

Му Цинли посмотрел на него, и его сердце, на удивление, немного смягчилось:

— Ничего страшного.

Чего нельзя было отрицать, так это того, что Е Фанчэн прекрасно знал его вкусы: на столе стояли почти все любимые блюда и сладости Му Цинли. Поскольку он уже немного поел с Му Цюаньсуном в особняке, он не был голоден, но вид еды пробудил аппетит, и он не удержался, сделав несколько укусов.

Увидев это, Е Фанчэн, казалось, искренне обрадовался:

— Если нравится, ешь побольше.

В течение вечера Му Цинли несколько раз пытался заглянуть в мысли своего ученика, но в голове того царила тишина. Если бы он не проверял свои способности на других обитателях особняка, убедившись, что дар чтения мыслей никуда не делся, он бы решил, что способность отказала.

На банкете, разумеется, не обошлось без вина. Учитывая прошлый опыт, Му Цинли был крайне осторожен: сделал лишь несколько глотков, решив, наоборот, попытаться напоить Е Фанчэна.

Тот, похоже, в этот раз и правда не замышлял ничего дурного, да и вкус фруктового вина ему явно пришелся по душе. Неизвестно, был ли он искренне счастлив или же был чем-то занят в своих мыслях, но Му Цинли удалось напоить его без особого труда.

А потом он обнаружил, что Е Фанчэн, оказывается, совсем не умеет пить.

— А-Ли... — Е Фанчэн выпрямил спину, сидя на полу прямо напротив него, и тихо позвал его по имени.

Му Цинли случайно уловил в этих двух слогах нотки глубокой печали и одиночества.

Времена изменились: Е Фанчэн стал правителем страны, и помимо желтого халата дракона, его облик стал гораздо более солидным. Когда он пьянел, лицо почти не краснело, но глаза выглядели более искренними, чем в трезвом состоянии, хоть и подернулись дымкой.

Му Цинли легонько покрутил в пальцах кубок, а другой рукой задумчиво постукивал по низкому столику, в то время как в его глазах заиграла легкая, манящая улыбка.

— Вы пьяны, Ваше Величество, — сказал Му Цинли.

Е Фанчэн произнес по слогам:

— Я не пьян.

— О, — отозвался Му Цинли, поставив кубок, и спросил: — Раз ты пригласил меня сегодня, не замышляешь ли снова какую-нибудь гадость? Опять хочешь учинить что-то непотребное, как в тот день?

— Нет, — буркнул Е Фанчэн с каменным лицом.

Му Цинли уловил мысленный всплеск, и тут же в голове раздался возбужденный детский голосок:

— Да соберись ты! Неужели не слышишь, что это приглашение? Раз уж ты пьян, воспользуйся моментом и возьми его!

[Нет.] Е Фанчэн, хоть и был пьян, в вопросах определенных принципов оставался непоколебим.

Заметив, что взгляд Е Фанчэна становится все более затуманенным, Му Цинли подозвал стражу, дежурившую неподалеку, чтобы те помогли проводить их в покои императора.

Е Фанчэн был строг с окружающими и страдал брезгливостью, не позволяя никому прикасаться к себе, поэтому задача поддерживать его легла на плечи Му Цинли — единственного, кого он принимал.

По пути в покои Е Фанчэн не сводил с него глаз, а детский голосок не унимался:

— Не оправдывайся, ты просто не можешь!

[Я могу.] Голос звучал все так же серьезно.

Му Цинли слегка повернул голову, глядя в эти глаза, которые всегда создавали иллюзию глубокой привязанности, и внезапно решил поддразнить его, понизив голос:

— Е Фанчэн, хочешь меня поцеловать?

Е Фанчэн на мгновение замер. Спустя долгое время он опустил взгляд и тихо пробормотал:

— Я... не могу.

Му Цинли: О, ты признался, ты действительно не можешь.

Е Фанчэн: ... (обиженный.jpg)

Му Цинли довел Е Фанчэна до покоев, и к концу пути у него самого от усталости подкашивались ноги. Е Фанчэн был уже почти без сознания, но, к счастью, даже пьяным не буянил, вел себя тихо, что сэкономило Му Цинли немало сил.

Му Цинли долго смотрел на человека, лежащего на кровати, словно видел сквозь него своего маленького ученика. Вернее, ту душу, что вселилась в это тело. Его губы едва заметно дрогнули, и он не сдержал вопрос, над которым размышлял долгое время:

— Ты... правда меня любишь?

Е Фанчэн лежал на кровати, молча глядя ему в глаза, нахмурившись над вопросом, словно это была сложнейшая задача. Прошло много времени, так много, что Му Цинли уже собрался уходить, как вдруг Е Фанчэн невнятно произнес:

— Не...

— Эй, эй, приди в себя, не выдай нас!

Слово «знаю» прозвучало так тихо, что его почти не было слышно, губы почти не шевелились, и Му Цинли не разобрал ответа. Но он услышал первое слово и решил, что уже знает ответ.

«Не»? Значит, не любит.

Ответ был ожидаемым, но Му Цинли все равно почувствовал укол боли и разочарования. Столько раз притворяться, а потом снова приходиться и дразнить его — настоящий негодяй. В глазах Му Цинли Е Фанчэн вновь стал отвратительным, и ледяная ярость снова наполнила его взгляд. Он поднял руку и медленно потянулся к шее Е Фанчэна.

Раз так, сколько раз он будет играть с ним, столько раз он его и убьет!

На следующее утро Е Фанчэн очнулся. То, что он напился, было неожиданностью, к тому же голова раскалывалась. За окном уже ярко светило солнце, утренняя аудиенция была пропущена. К счастью, вчера был праздник середины осени, и он объявил выходной.

Однако, увидев, что творится на кровати, он пришел в ужас. В его объятиях лежал Му Цинли. Страшно было не то, что они спали вместе, а то, что Му Цинли был обнажен, на его теле виднелись свежие следы ласк, а сам Е Фанчэн был в беспорядке. Му Цинли в полусне слегка хмурился, выглядя так, будто спал очень беспокойно.

[...Выходи, что происходит?] — спросил Е Фанчэн у того, кто жил в его Изначальном духе, и в его голосе проскользнула дрожь.

— Ты проявил животные инстинкты, напился и сожрал его со всеми потрохами.

Веки Е Фанчэна дрогнули, но он быстро взял себя в руки.

[Невозможно.] Его голос стал спокойным и уверенным, словно он был в себе абсолютно уверен. Хотя, доля сомнения все же оставалась.

Детский голосок помолчал, а затем честно ответил:

— А что еще могло произойти? Это сделал я. Вчера ты чуть не выдал себя, когда напился, а потом силой притянул его к себе. Му Цинли не смог вырваться и остался спать рядом. Раз уж мы затеяли великое дело, как я мог упустить такой шанс? Конечно, я этим воспользовался.

Е Фанчэну нечего было ответить, но он уловил главное:

[Чуть не выдал себя?]

— Му Цинли внезапно спросил, любишь ли ты его на самом деле, а ты чуть было не выпалил, что нет.

Е Фанчэн нахмурился, не помня этого момента. Прошлой ночью он был слишком пьян.

— Кстати, я заметил, что шкала энергии Изначального духа в этом мире заполнилась наполовину.

Е Фанчэн: «?»

[Я еще даже не начал его «мучить».]

Детский голосок прозвучал по-стариковски ворчливо и с оттенком грусти:

— Не знаю, но это значит, что ты стал еще ближе к своей смерти.

[....]

Му Цинли, открыв глаза и увидев на себе следы вчерашней ночи, ничуть не удивился, оставшись совершенно спокойным. Прошлой ночью он собирался придушить его, но в момент, когда он протянул руку, пьяный Е Фанчэн схватил его и притянул к себе. У Е Фанчэна была железная хватка, он держал его так крепко, что Му Цинли не мог пошевелиться и оставил попытки.

Перед сном он много думал и остыл. Смерть была слишком легким наказанием для негодяя-ученика, ведь, кажется, его способ покинуть этот мир — быть убитым им. Это не соответствовало его желанию отомстить за предательство. К тому же, в прошлой жизни он смог попасть сюда только благодаря своему бессмертному телу. Что, если в этот раз ученик умрет, а он не сможет уйти?

Он не против, если это будет его последний мир, но до того, как его жизнь оборвется, он должен помучить негодяя так, чтобы тот понял: наставника лучше не злить. Раз уж ученик до конца разыгрывает спектакль, почему бы ему не воспользоваться тем, что он заранее знает о его планах, и не сыграть в ответ?

К тому же, он передумал: пока он не утолит свою жажду мести, он не позволит своему дорогому ученику так легко умереть.

Му Цинли слегка приподнялся, посмотрел на молчаливого Е Фанчэна рядом, внезапно подался вперед и обвил его шею руками. Притянув Е Фанчэна ближе, под его ошеломленным взглядом Му Цинли поцеловал его в тонкие губы, а затем улыбнулся, как довольный ребенок, и звонким голосом произнес:

— Ваше Величество, вы были очень хороши прошлой ночью.

Разве негодяй не хотел его касаться? Вот с этого и начнем.

Голова Е Фанчэна взорвалась, оставив лишь пустоту, и казалось, что во всем теле чувствительность осталась только в губах. Му Цинли вел себя так, будто просто поцеловал возлюбленного после пробуждения, а затем, не питая никакой привязанности, отпустил его, встал с кровати, накинул на плечи верхнюю одежду и, оглянувшись, мягко добавил:

— Только вот, Ваше Величество, не слишком ли вы заняты в последнее время? Не волнуйтесь, я не стану вас упрекать за то, что вас хватает только на один раз.

Е Фанчэн: «...?»

Не дав ему времени на оправдания, Му Цинли оделся и ушел, виляя бедрами. А следы на его шее, которые он даже не подумал скрыть, словно кричали о том, что он провел ночь в покоях императора.

Е Фанчэн открыл рот, но пока фигура Му Цинли не исчезла из виду, он не смог вымолвить ни слова, лишь молча сглатывая обиду. Что вообще нес Му Цинли? Между ними ничего не было! Е Фанчэн растерянно коснулся своих губ, но в тот же миг отдернул руку, словно обжегшись. Его уши покраснели так, что, казалось, вот-вот пойдет кровь, а опущенные веки скрывали растерянность.

Му Цинли... как он мог...

Чтобы собрать осколки души Му Цинли, он прошел через три мира, это был четвертый. До этого, даже если ему приходилось «завоевывать» его и крутить романы, он всегда старался держать дистанцию. В крайнем случае — держались за руки. Если возникала необходимость в близости, он позволял Небесной книге все устроить, никогда не переступая черту.

Он не ожидал, что Му Цинли в этом мире будет таким инициативным.

От мысли о недавнем контакте Е Фанчэн почувствовал, как внутри него разгорается пожар, и даже возникло чувство вины.

А Му Цинли, не подозревая, что его мимолетный поступок, о котором он тут же забыл, разжег в Е Фанчэне настоящий огонь, покинул дворец. Вместо того чтобы сразу вернуться в особняк Му, он сказал кучеру:

— Я хочу заехать в загородную усадьбу в южном пригороде.

Эту усадьбу Му Цюаньсун подарил ему, когда он достиг совершеннолетия. Му Цинли почти там не бывал, но недавно спрятал там кое-кого «драгоценного».

— А-Ли, ты пришел? — Е Фанцзин, коротавший время в пустом доме, был несказанно рад его внезапному появлению и лично вышел встречать его к воротам.

Однако, когда взгляд Е Фанцзина упал на шею Му Цинли, он на мгновение замер. Му Цинли заметил это, но скрывать ничего не собирался. Входя в зал, он небрежно бросил:

— Не обращай внимания.

Стоило ему сесть, как слуги принесли им чаю. Му Цинли отпил глоток и с улыбкой произнес:

— Не каждому выпадает честь получить расположение императора, я должен быть доволен.

Е Фанцзин нахмурился:

— Но... А-Ли, скажи честно, тебя принудили?

Е Фанцзин считал, что Е Фанчэн поступает так с Му Цинли лишь для того, чтобы контролировать его и заставить клан Му подчиниться.

Му Цинли поставил чашку, долго смотрел в пустоту, а затем тихо ответил:

— Нет, он мне довольно сильно нравится.

Разговор становился тяжелым, и Е Фанцзин решил сменить тему:

— Кстати, зачем ты пришел ко мне?

Му Цинли рассмеялся:

— Что, старший брат-наследный принц не рад, что я пришел поболтать?

Е Фанцзин поспешно ответил:

— Я не это имел в виду. И, пожалуйста, не называй меня больше наследным принцем. Если император услышит...

— Я не боюсь, — улыбнулся Му Цинли, выглядя как человек, избалованный вниманием.

Е Фанцзин не удержался:

— А-Ли, хотя император сейчас действительно добр к тебе, ты задумывался, что будет, если однажды поддержка клана Му ему станет не нужна?

Поскольку в доме были слуги, Е Фанцзин не стал договаривать, но намек был понятен. Му Цинли помолчал, а затем спросил:

— А если бы тем, кто воспользовался помощью клана Му, был ты, ты бы тоже так поступил с кланом Му?

Е Фанцзин замер, и в его глазах вспыхнул гнев:

— А-Ли, неужели ты считаешь меня таким бездушным человеком?

Он даже вскочил с кресла, выражая разочарование, и Му Цинли показалось, что он видит самого себя, смотрящего на своего ученика-негодяя.

[Неужели в глазах А-Ли я такой никчемный и все же проигрываю такому коварному и подлому человеку, как Е Фанчэн?]

Е Фанцзин сжал кулаки, пытаясь подавить волнение:

— Канцлер в прошлом немало помогал мне во дворце, особенно когда умерла мать и влияние моего внешнего клана ослабло. Я многим обязан клану Му. Если мои слова обидели тебя, я прошу прощения. Я лишь хотел тебя предостеречь, не принимай близко к сердцу.

Му Цинли, сопоставив слова детского голоса и недавний разговор с Е Фанчэном, внезапно поднял взгляд на Е Фанцзина:

— В таком случае, хочешь ли ты еще раз рискнуть и вернуть все то, что по праву должно принадлежать тебе?

Му Цинли смотрел, как в его глазах отражается ошеломленное лицо Е Фанцзина. Его холодные глаза на мгновение изогнулись в легкой улыбке, которая словно зацепила что-то глубоко внутри Е Фанцзина.

Сказать, что он не хотел, было бы ложью. Столько лет его не понимали, столько обид он стерпел. Он должен был стать законным наследником, жить в великолепном дворце, а теперь вынужден прятаться в этой глуши. Как тут не затаить обиду?

Е Фанцзин не хотел мириться с реальностью, но понимал:

— Но я уже изгнан.

Му Цинли усмехнулся:

— Клан Му еще не пал.

Е Фанцзин опешил:

— ...Почему ты хочешь помочь мне? Ты же любишь Е Фанчэна?

Му Цинли долго молчал. Он сидел, попивая горячий чай, и улыбка почти исчезла с его губ. Е Фанцзин вдруг осознал: тот глупый и наивный Му Цинли, который когда-то крутился вокруг них, давно исчез. Человек перед ним изменился, став похожим на бездонную пропасть, полную тайн, которая манила и пугала одновременно.

Когда в саду защебетали птицы, Му Цинли снова поднял взгляд:

— Быть императором — это хорошо, — ответил он. — Но тогда он принадлежит всему миру.

Му Цинли опустил глаза на пустую чашку:

— Я эгоист. Я хочу, чтобы он принадлежал только мне. Ты pomoжешь мне?

Е Фанцзин не ожидал такого ответа. Подумав, он отбросил сомнения:

— Конечно, я помогу.

— Спасибо, — улыбнулся Му Цинли. — Я прикажу открыть для тебя мой кабинет. Там много книг, они тебе помогут.

Он встал, собираясь уходить.

— Я помню все, что ты говорил мне раньше. На самом деле мне очень близки твои взгляды на жизнь.

<http://bllate.org/book/22175/2310352>